

ТРОИЧНОСТЬ КАК ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЙ КОНЦЕПТ ПАНСОФИИ Я. А. КОМЕНСКОГО (1592–1670)

*Работа представлена кафедрой социально-педагогического образования
Санкт-Петербургской академии постдипломного педагогического образования.*

В статье обоснована актуальность троичности как основополагающего концепта пансофии Я. А. Коменского в ее связи с гармонией, единством и целостностью формирования знаний о мире. Проанализированы следующие актуальные для современной педагогики аспекты троичности:

- возможность перехода от бинарного («или-или») к трехполюсному базису образования, обеспечивающему проявление тринитарного подхода («как – так и»);*
- выявление преемственности европейской педагогической традиции в контексте современного возвращения российской педагогики в лоно европейского образования;*
- открытие новых возможностей для решения образовательных и воспитательных задач;*
- формирование предпосылок ухода от жесткой конфронтации в стремлении к переустройству общества.*

***Ключевые слова:** троичность, наследие Я. А. Коменского (1592–1670), пансофия, природосообразность, духовно-нравственное образование.*

S. Marchukova

TRIPPLICITY AS A BASIC CONCEPT IN PANSOPHY OF J. A. COMENIUS (1592–1670)

The article justifies the urgency of threeness as a basic concept in pansophy of J. A. Comenius in its connection with harmony, unity and integrity of forming of knowledge about the world. The following aspects of threeness, which are urgent for modern pedagogy, are analysed:

- *the possibility for conversion from the binary basis of education (“or-or”) to the tripolar one, which provides the possibility for demonstration of the trinitarian approach (“as – as well as”);*
- *detection of the continuity of the European pedagogical tradition in terms of bringing Russian pedagogy back to the fold of European education in modern times;*
- *discovery of the new possibilities for solving educational and pedagogic tasks;*
- *forming of prerequisites for escape from a tough confrontation in the urge for reorganisation of society.*

Key words: threeness, heritage of J. A. Comenius (1592–1670), pansophy, conformity to nature, spiritual and moral education.

Порядок требует как минимум трех элементов.

Ничто в единственном числе, как известно,
не может быть упорядоченно,
а две вещи без посредников лишены связи.

Я. А. Коменский

Термин «пансофия», как известно, не был изобретен Я. А. Коменским, Он встречается в сочинениях Ф. Патрици (1529–1597), Р. Флудда (1574–1637), и других авторов [11, с. 185–187]. Заимствуя термин, Коменский изменяет его «смысловое членение» (Э. Шадель), добавляя к двум Божественным книгам (Библии и природе) третью – «внутренний свет человеческого духа» [15, с. 594]. Эти три предпосылки – необходимое условие формирования пансофии – «универсальной мудрости, т. е. знания всего, что существует, соответствующее тому, как это существует, а также с учетом полезной цели, ради которой оно существует» [цит. по: 15, с. 13–14]. «Говоря в терминах традиционной метафизики, – заключает Шадель, – он стремится связать воедино космологию, психологию и теологию, т. е. природу, человека и Бога» [15, с. 14].

В числе основополагающих концептов пансофии (целостность, единство, аналогия, гармония, троичность), соединенных в учении Коменского системными взаимоотношениями, Э. Шадель выделяет троичность, отмечая, что «единичное и целостное как элементы учения Коменского о пансофии гармоничным образом сплетаются в единый комплекс, который находит свое наиболее полное выражение в принципе *Analogia Trinitatis*» [15]. Представления о связи троичности с гармонией следуют из рассуждений Коменского из рассмотрения роли трезвучия в музыкальной гармонии. Состоящее из основного тона, терции и квин-

ты, трезвучие составляет «ядро» тональных структур [15, с. 16]*. Как видим, троичность, выступая в качестве объединяющего начала единства и целостности, является условием и предпосылкой формирования структуры пансофии. «Посеянная во всем троичность, – заключает Коменский, – представляет собой – как в вещах, так и в наших представлениях (таким же образом, как и в музыкальном созвучии) – вечный корень вечной гармонии» [цит. по: 15, с. 16].

Знание о мире, согласно Коменскому, необходимо черпать из трех источников: чувственного опыта, разума и Св. Писания. Он неоднократно повторяет: основа пансофии – в единстве истины, добра и блага. Вот что пишет он о трех основных метафизических принципах пансофического метода: они «сами собою представлялись мне коренящимися в некоторых важных, имеющих большое значение обстоятельствах, в первых атрибутах вещей (едином, истинном, добром), так что я иногда останавливался в изумлении, пораженный новизною дела. Я начинал, исходя из примеров в какой – либо одной отрасли, – и видел, что то же самое имеет место и везде. Поэтому я не осмеливался противиться истине вещей, представляющейся по большей части в виде тройственной тайны; напротив, я скорее был рад схватить такую гармонию священной троичности. И я с наслаждением прослеживал ее в остальном, нигде (я в этом твердо уверен) не насилуя вещей, которые как бы самопроизвольно располагались таким образом» [цит. по: 11, с. 156].

Коменский приложил немало усилий для доказательства того, что «великий посев тайны троичности... рассеян по вселенной» [16, с. 97]: так, любая вещь состоит «из тройного

протяжения: в длину, ширину и высоту»; время представляет собой «поток из *прошлого, настоящего и будущего*», выражается в «[результативном] *откуда*, [формирующем] *через что*, и [целевым] *для чего*» [15, с. 19]. В этой трехчастной ритмичности находит отражение вечный архетип, который приводит в движение «*себя самого, через себя самого и к себе самому*» [16, р. 94].

Троичность занимает особое место в педагогике Коменского. «Внутренний свет человеческого духа» не случайно становится рядом со Св. Писанием и книгой природы: необходимость воспитания нового человека, самостоятельного и независимого, способного к выбору собственного пути составляла одну из основных задач новой педагогики [11, с. 108–111]. По словам Коменского, «...у человека поистине есть и лампада, и светильня, и масло, и огниво со всем прибором... когда у него зажигается не внутренний свет, а вне его кругом носятся светильники чужих мнений», это подобно тому, как «если бы вокруг кого-либо, заключенного в мрачную тюрьму, носили факелы; лучи их, конечно, проходят в щели, однако полный свет проникнуть туда не может» (Великая дидактика, V, 4).

В сочинении Коменского «Лабиринт света и рай сердца» внутренний голос призывает Странника: «Вернись туда, откуда ты пришел – в дом своего сердца!» Здесь он встречает Христа и находит утешение в разговоре с ним, чувствуя «ясный двойной внутренний свет – свет разума и свет веры» [11, с. 108]. Вот как описывает Коменский озарение и преображение внутреннего мира человека: «... вступил я внутрь сердца моего, где была тьма... во мне становилось все светлее и светлее... Ранее разбросанные и поломанные колеса соединились, и из них образовался какой-то совершенный механизм вроде часов, изображающий бег мира и дивное Божье управление. Исправились также и лесенки и поставились кверху, к тому окну, которое пропускало небесный свет...» [8, с. 102, 107]. Таким образом, в утверждениях «Великой дидактики» и метафорах «Лабиринта света» находит отражение представление Коменского о трех «целях человека», «трех ступенях

приготовления к вечности»: познание себя (и вместе с собой – всего), управление собой и стремление к Богу». «Эти три цели, – пишет он, – соединены так, что ни одной из них нельзя отбросить» (ВД, IV, 2).

Интересно проследить развитие этих взглядов в дидактических трактатах Средневековья [11, с. 118–128]. Путь к «человечности» для Коменского освещает прежде всего традиция христианского образования. «Я хотел бы, – писал Августин в «Исповеди», – чтобы люди подумали над тремя свойствами в них самих... Вот эти три свойства: быть, знать, хотеть... Эти три свойства и составляют неразрывное единство – жизнь, и, однако, каждое из них нечто особенное и единственное; они нераздельны и все-таки различны. Пойми это, кто сможет» [1, с. 204, 302]. Гуго сен-Виктор (XII в.), один из любимых авторов Коменского, так писал, о «трех видах творений: творении Бога, творении природы и творении мастера, подражающего природе»: «Они между собой связаны таким образом и требуют такой взаимной последовательности, что если хотя бы одно не будет освоено, то все прочие не помогут стать философом. Поэтому мне кажется, что заблуждаются те, кто, не принимая в расчет эту их взаимосвязь, выбирает некоторые из них, не занимаясь другими, и считает, будто сможет овладеть совершенным знанием» [цит. по: 11, с. 125]. «Чтобы можно было заменить нечеловечность человечностью, – пишет Коменский во «Всеобщем совете по исправлению дел человеческих», – представляется три пути: первый путь, когда люди отучатся слишком доверять своим собственным чувствам и будут признавать недостойным для человека преследовать с ненавистью друг друга по каким бы то было причинам... во-вторых, пусть никто насильственно не внушает иным свои принципы (философские, богословские, политические)... это мы назовем взаимной терпимостью. В-третьих, пусть все желают, будучи деятельными, только самого лучшего... это назовем взаимным согласием» [цит. по: 11, с. 239].

«В самой человеческой природе, – пишет Коменский, – уже заложены разумность, воля и способность исполнения, нишей ко-

торым служат истина, благо и Единое, или единящее (т. е. Возможное)» (Всеобщий совет по исправлению дел человеческих, IV, 16). Здесь необходимо отметить, во-первых, связь природы человека со смысловыми координатами средневекового знания: Unum, Bonum, Verum – Единое, Благое, Истинное [11, с. 118–121], во-вторых, выявление смысла термина «природосообразность» в понимании Коменского, которое значительно отличается от нашего прежде всего своей телеологической направленностью [10, с. 25–30]. «В века Коменского, – отмечает П. Блонский, – понятие природы только вырабатывалось и само носило еще следы схоластики. В схоластике же термин „натура“ большей частью означает сущность вещи и часто бывает синонимом термина *essentia*. Но в аристотелевской философии учение о сущностях очень тесно примыкает в ярко телеологическому учению о форме: существование вещи состоит в переходе от неопределенной возможности существования к оформленному бытию, вещь стремится развить свою сущность в совершенной полноте. Таким образом, природа или сущность есть как бы задание, которое мы должны развивать, цель, которую мы должны осуществлять. Понятие природы есть понятие цели, и изучать природу значит исследовать цели» [5, с. 47]. Вот какое определение природы дает Коменский в «Физике», которая, по меткому замечанию Блонского, представляет собой «философское обоснование педагогики Коменского»: «Природа есть врожденная вещам сила, источник самих собой происходящих движений и деятельностей» (Физика, Прибавление, VI)**. «Следовательно, – заключает Блонский, – природа есть способность вещи направлять действия к тому, к чему она определена. Если угодно, можно выразить то же в телеологических терминах: «под словом „природа“ мы разумеем также всеобщее Божие Провидение, или непрестанное влияние божественной благодати, для того чтобы производить все во всем: именно в каждом отдельном создании то, к чему оно назначено» (Великая дидактика, V 2) [цит. по: 5, с. 48].

В своем самом значительном пансофическом сочинении «Всемирный совет по

исправлению дел человеческих» Коменский, отмечая «тройное возвышение» человека над животными: «разумом, речью и свободой способного к чему угодно действия», содержит такое определение интеллекта: «*Интеллект* подобен горящему светильнику, которому *воображение*, наподобие масла, доставляет материю для горения; а *разум* подобен пламени, которое на тысячу ладов озаряет выхваченные им предметы и словно в тонком трепетании рассеивает вокруг себя светоносные лучи. *Память* подобна близлежащим предметам, которые вбирают этот свет и его отражением освещают все вокруг» (Часть III, Пансофия, VII, 7). Тройственное начало интеллекта (воображение, разум и память) вновь возвращает читателя к средневековым основам пансофии***. Таким образом, троичность выявляет преемственность европейской педагогической традиции в контексте современного возвращения российской педагогики в лоно европейского образования. Современные педагоги видят путь к «универсальному знанию» в развитии тернарных структур, в этом проявляется значение троичности как «вечного архетипа» (Коменский), связывающего знание с ценностями, с формированием жизненного пути человека.

Так, например, К. Э. Нипков в книге «Ян Коменский сегодня» так рассуждает о структуре пансофического знания: «Пансофическое знание, о котором писал Коменский, строится на трех вопросах: Что есть? Как оно возникло? Для чего оно?» [12, с. 65–66]. Как можно применить такую структуру к современной жизни, к современному образованию? «На вопрос „Что есть?“, – продолжает Нипков, – ответим так: есть личная и общественная жизнь с ее проблемами и задачами. Слово „жизнь“ становится, таким образом, ведущей категорией: оно создает перспективу интеграции почти для всех учебных задач... Второй вопрос Коменюса – „Благодаря чему что-то возникло?“ – нужно ставить и в донаучной, и в специально научной плоскости... Ученики осознают также и ценность „надпредметного преподавания“, требования о введении которого сегодня становятся все слышнее... Вопросы, ставящиеся в пределах изучаемых в школе наук, теперь

снова переводятся в плоскость мира, в котором мы живем. Исходная проблема снова подхватывается общим ходом мысли, но теперь с целью дальнейшей интеграции. Вопрос звучит так: что нового внесла узко специальная точка зрения? Где мы теперь действительно знаем больше? Каковы следствия для деятельности как отдельно взятых людей, так и для государства и общества? Следует ли нам изменить наши привычные мнения? Как это возможно? Что мешает большинству взрослых учиться? Как преодолеть апатию? На этом уровне общее направление задаёт третий вопрос Коменского: „Для чего что-то предназначено?“ Здесь со всей серьезностью обсуждаются этические аспекты... Преподавание увязывается с воспитанием... В центре теперь, как и у Коменуса, „возложенное на человека дело“. *Науки служат жизни и становлению человека, а не наоборот*» (курсив мой. – С. М.) [12]. Таким образом, тройственное начало формирования пансофического знания в наше время может помочь преодолеть формирование сциентизма в содержании образования.

«Противопоставляя вещество и поле, – пишет Р. Г. Баранцев, – тело и душу, знание и веру, мы рассекаем смысловое пространство на куски, которые, желая жить, все более настойчиво просятся к воссоединению. Нарастающая ностальгия по целостности заставляет искать иные способы мышления, не разделяющие, а объединяющие. Однако многовековая привычка к антитезам оказывается чрезвычайно прочной, почти непреодолимой... Мы автоматически мыслим бинарными оппозициями, порождая проблемы двух лагерей, двух культур, двух идеологий. Более того, создается впечатление, что так устроен мир, что бинарность онтологична... требовались немалые усилия, чтобы подавлять ставшую привычкой склонность превращать различия в непримиримые противоположности» [4, с. 178–179]. Тринитарность позволяет преодолеть ценностную поляризацию, жесткую конфронтацию, создает предпосылки формирования целостного, многомерного видения мира [10, с. 36–43]. «Одно из проявлений тринитарного подхода, – отмечает А. Г. Черняков, – следует усматривать в... попытке избавиться

от бинарности..., предложить альтернативу бинарному „или-или“ как интегрирующую... взаимосвязь „как – так и“ [14, с. 215]. Попытка избавиться от бинарности, как отмечает Р. А. Зобов, открывает возможности новой ментальности в современной культуре [6, с. 5]. «Действительно, – пишет он, – на уровне подсознания на протяжении многих столетий у людей, ориентированных на материальное или духовное начало, формировались соответствующие установки на достижение либо материального благополучия, либо на самореализацию, приобщение к полноценной духовной культуре. Все, что не укладывается в такую схему, считается неприемлемым» [6]. Как отмечает А. Г. Черняков, в тринитарности проявляется открытость христианской богословской традиции [14, с. 215]. Епископ Коменский демонстрирует это в пансофии, полагая тринитарность основой формирования структуры единого знания.

Приведем пример того, как троичность, взятая современным педагогом из представлений Коменского, восходящих к библейским текстам, непосредственно влияет на современные представления. В частности, речь идет о моделировании образовательной среды. Вот диалог из сочинения Коменского «Единственно необходимое» (1668), которое часто называют его «духовным завещанием»:

– Разве ум человеческий не есть хаос и лабиринт?

– Нет, если удерживаться в границах.

– Что ты называешь границами?

– Данное нам свыше значение чисел, мер и весов. Ибо после того, как Бог-Творец все в мире устроил согласно числу, мере и весу (Прем. 11, 21), те же самые числа, меры и весы Он вложил в свой образ, ум человеческий, чтобы человек был в состоянии познавать то, с чем сталкивается, посредством исчисления, измерения и взвешивания [7, с. 261].

Рассуждая о моделировании образовательной среды, В. С. Кукушин пишет: «Я. А. Коменский более трех веков назад писал, что „все расположено по числу, мере и весу“. Универсальность такой формулы для построения любого исследуемого объекта очевидна. Применительно к модели образовательной

среды можно сказать, что „число“ означает контингент участников взаимодействия, „мера“ предполагает их оптимальное общение, а „вес“ указывает на длительность и устойчивость этой формы общения. Для того, чтобы образовательная модель действовала, необходимо разрабатывать ее содержательную

Структурная модель системы «Человек»

- Анатомо-физиологическая структура.
- Информационная структура.
- Энергетическая структура.

По мнению В. Кондакова, основной вопрос современного этапа исторического развития русской культуры состоит в том, «чтобы по возможности сгладить, смягчить, сдемпфировать взрывные процессы, протекающие в настоящий момент», для этого необходимо укрепить культурно-антропологическую интерпретацию тернарных структур сознания в методологии образования [цит. по: 13, с. 57]. Троичность как основа формирования структуры пансофического знания является предпосылкой актуальной тенденции его современного развития. Речь идет о взаимопонимании между народами, о толерантности. В наше время, как и в эпоху социальных потрясений первой половины XVII столетия, возникает насущная потребность в смягчении идеологических, религиозных, расовых, политических, национальных и других конфликтов в духе идеи пансофии.

Троичность как традиция классической педагогики открывает перспективы решения актуальных задач духовно-нравственного образования, поскольку обуславливает переход от двухполюсного базиса образования к трехполюсному. Как отмечает К. В. Романов, «для решения современных образовательных задач на основе принципа единства обучения, развития и воспитания необходим такой взгляд на отражение мира в системе учебных предметов, в котором отражены представле-

сторону. Поэтому в любом учебном заведении большое внимание должно уделяться формированию среды» [9, с. 124–125].

Далее автор приводит примеры представлений о единстве моделей «Человек» и «Среда», в основе которых лежат тернарные структуры [9]:

Структурные элементы системы «Среда»

- Природно-географические условия, определяющие местонахождение того или иного индивида.
- Образовательная и культурная жизнь, образ жизни индивида.
- Атмосфера духовной жизни.

ния о фундаментальном базисе образования, о целостном взгляде на мир и человека, о духовно-нравственной картине мира, о формах постижения бытия. Привычный двухполюсный базис образования строится в координатах двух форм постижения бытия: рациональной и чувственной. Полюсом чувственной формы выступает слово (образовательные области: русский язык и литература, иностранные языки). Полюсом рациональной формы выступает число (образовательная область: математика). При двухполюсном базисе образования нет целостного взгляда на мир и человека. Изначально формируется дисгармоничная личность. Целостный взгляд на мир немислим без формирования у учащихся духовно-нравственной картины жизни. Эта картина развивается на основе ценностно-смыслообразующей формы постижения бытия. В этом случае в базисе образования появляется третий полюс: ценность» [13, с. 57].

Отмечая, что интерес к троичности уже не раз повышался в истории человечества, Р. Г. Баранцев пишет: «Будет ли XXI век необратимым переходом к триадной парадигме? Хочется верить, что да, потому что без устойчивого единения человечество на этот раз рискует погибнуть. Научно-техническая революция может обернуться катастрофой, если не будет подкреплена соответствующим подъемом культуры и духа» [3, с. 213].

Подведем итог. Заимствуя у предшественников термин «пансофия», Я. А. Коменский вводит трехчастное членение источников пансофического знания: добавляет к Библии и природе «внутренний свет человеческого духа». Эти три предпосылки формирования универсальной мудрости обусловили появление троичности как основополагающего концепта пансофии. Занимая особое место в педагогике Коменского, троичность актуальна и в наше время: переход к трёхполюсному базису образования открывает новые возможности для решения образовательных

и воспитательных задач, выявляет открытость культурной традиции, позволяет избежать жесткой конфронтации в стремлении к переустройству общества. Как отмечает один из ведущих исследователей творчества Я. А. Коменского, Э. Шадель, «чтобы избежать поспешного отказа от „пансофии“ Коменского (который имел место, например, в эпоху рационалистического Просвещения), представляется необходимым прежде всего сконцентрироваться на ее основополагающих концептах, особое место среди которых принадлежит троичности» [15, с. 16].

ПРИМЕЧАНИЯ

* В таком подходе к исследованию музыкальной гармонии видна традиция восприятия музыка как дисциплины квадривиума. В эпоху Коменского, как известно, «семь свободных искусств» составляли основу школьного обучения.

** Вот откуда – знаменитый девиз Коменского «Пусть все свободно проистекает из своего начала...» («*Omnia sponte fluant...*»).

*** Так, например, Ибн-Сина (980–1037), известный европейцам под именем Авиценны, упоминал среди «внутренних» свойств души разум, память и воображение [11, с. 257–258].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Августин Аврелий*. Исповедь. М., 1992.
2. Антология гуманной педагогики. Коменский Я. А. М.: Изд. Дом Шалвы Амонашвили, 1996. 224 с.
3. *Баранцев Р. Г.* О тринитарной философии в университете города Бамберга. Реальность и субъект. 1999. Т. 3. № 3–4. С. 213–214.
4. *Баранцев Р. Г.* Тринитарный архетип единства // Наука и богословие: Антропологическая перспектива. Серия «Богословие и наука», М.: ББИ, 2004. 320 с. С. 178–190.
5. *Блонский П.* Ян Амос Коменский. М., 1915.
6. *Зобов Р. А.* Реалистическая традиция в петербургской философии и науке // Материалы международной конференции «Миссия интеллектуала в современном обществе». Дни петербургской философии. 2007. СПбГУ. СПб.; Пушкин, 2008. С. 3–7.
7. *Коменский Я. А.* Единственно необходимое // Лабиринт света и рай сердца. М., 2000.
8. *Коменский Я. А.* Лабиринт света и рай сердца / пер. Н. П. Степанова. М., 1997.
9. *Кукушин В. С.* Общие основы педагогики: учебное пособие для студентов педагогических вузов. Серия «Педагогическое образование». Ростов н/Д: Издательский центр «МарТ», 2002. 224 с.
10. *Марчукова С. М.* Ян Амос Коменский: приглашение к диалогу. СПб., 2006.
11. *Марчукова С. М.* Ян Амос Коменский: человек в «лабиринте света». СПб., 2006.
12. *Нитков К. Э.* Ян Коменский сегодня. СПб., 1995.
13. *Романов К. В.* Заповеди академика Лихачева и проблема духовности образования // Материалы международной конференции «Миссия интеллектуала в современном обществе», Дни петербургской философии 2007. СПбГУ. СПб.; Пушкин, 2008. С. 54–58.
14. *Черняков А. Г.* О третьем томе «Записок по триадике и онтодинамике». Реальность и субъект. 1999. Т. 3. № 3–4. С. 215–217.

15. *Шадель Э.* Пансофия Коменского как гармоничное единство познания мира, себя и Бога // Материалы международной научно-практической конференции «Картина мира: наука, философия и религия». СПб., 2008.

16. *Comenius J. A.* Anticozinianischen Schriften. Deutsche Erstuebersetzung. Frankfurt/M., 3 Baende. 2008.

REFERENCES

1. *Avustin Avreliy.* Isповед'. М., 1992.
2. *Antologiya gumannoy pedagogiki.* Komensky Ya. A. М.: Izd. Dom Shalvy Amonashvili, 1996. 224 s.
3. *Barantsev R. G.* O trinitarnoy filosofii v universitete goroda Bamberga. Real'nost' i sub'yekt. 1999. T. 3. N 3–4. S. 213–214.
4. *Barantsev R. G.* Trinitarny arkhetyп edinstva // Nauka i bogosloviye: Antropologicheskaya perspektiva. Seriya «Bogosloviye i nauka», М.: BBI, 2004. 320 s. S. 178–190.
5. *Blonsky P.* Yan Amos Komensky. М., 1915.
6. *Zobov R. A.* Realisticheskaya traditsiya v peterburgskoy filosofii i nauke // Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Missiya intellektuala v sovremennom obshchestve». Dni peterburgskoy filosofii. 2007. SPbGU. SPb.; Pushkin, 2008. S. 3–7.
7. *Komensky Ya. A.* Yedinstvenno neobkhodimoye // Labirint sveta i ray serdtsa. М., 2000.
8. *Komensky Ya. A.* Labirint sveta i ray serdtsa / per. N. P. Stepanova. М., 1997.
9. *Kukushin V. S.* Obshchiye osnovy pedagogiki: uchebnoye posobiye dlya studentov pedagogicheskikh vuzlv. Seriya «Pedagogicheskoye obrazovaniye». Rostov n/D: Izdatel'skiy tsentr «MarT», 2002. 224 s.
10. *Marchukova S. M.* Yan Amos Komenskiy: priglasheniye k dialogu. SPb., 2006.
11. *Marchukova S. M.* Yan Amos Komenskiy: chelovek v «labirinte sveta». SPb., 2006.
12. *Nipkov K. E.* Yan Komenskiy segodnya. SPb., 1995.
13. *Romanov K. V.* Zapovedi akademika Likhacheva i problema dukhovnosti obrazovaniya // Materialy mezhdunarodnoy konferentsii «Missiya intellektuala v sovremennom obshchestve», Dni peterburgskoy filosofii 2007. SPbGU. SPb.; Pushkin, 2008. S. 54–58.
14. *Chernyakov A. G.* O tret'yem tome «Zapisok po triadike i ontodinamike». Real'nost' i sub'yekt. 1999. T. 3. N 3–4. S. 215–217.
15. *Shadel' E.* Pansofiya Komenskogo kak гармоничное единство познания мира, себя и Бога // Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii «Kartina mira: nauka, filosofiya i religiya». SPb., 2008.
16. *Comenius J. A.* Anticozinianischen Schriften. Deutsche Erstuebersetzung. Frankfurt/M., 3 Baende. 2008.